

Василий Капнист

**КРАТКОЕ ИЗЫСКАНИЕ О ГИПЕРБОРЕЯНАХ.
О КОРЕННОМ РОССИЙСКОМ СТИХОСЛОЖЕНИИ**

Может быть, ослепляет меня сродное отчизнолюбию пристрастие; но я твердо уверен об отличном пред прочими народами преимуществе русского языка, музыки и стихосложения; и смею заключить после рачительного исследования, что оно оставлено нам в наследство от народа, в отдаленнейших временах знаменитого, просвещением своим озарившего пределы древней Греции, гордившейся знаниями своими. Пусть, ежели угодно, предположение сие и изыскания мои считают мечтами, но думаю, что каждому любящему отечество свое человеку и самые мечты, ко славе оною клонящиеся, должны быть приятны. В сем лестном уповании представляю соотечественникам труд мой, к оправданию дерзостной попытки возратить слову нашему столь дорого ценимую мною принадлежность.

Для исследования оной в самом ее источнике принужден я спросить развалины древнейшего северного соотечественного нам народа. Едкость времени пощадил некоторые драгоценные обломки памятника, доказывающего величие, славу и мудрость соорудивших оной. Я постараюсь истолковать немое их свидетельство: согласить с темным преданием отдаленнейших веков и открыть следы именитого народа сего, процветавшего в младенчестве вселенныя и первыми познаниями просветившего оную.

Народ сей, известный под именем гипербореан (1), по преданию Диодора Сицилийского и многих других, уважаем и славен был в древности. Соседами почитался он священным (2). Сие наименование заслужил он набожностью и благонравием своим. Ибо повествуют (3), что под небом, где созревала ежегодно двукратная жатва (4), проводил он весьма долговременную жизнь в ревностном богослужении, в мире, в простосердечном исполнении добродетелей, в ежедневных празднествах, пении и плясках. Предание полагало у него колыбель Латоны, уверяя, что и сам Аполлон, по изгнании с неба за укоризны Юпитеру, сына его Эскулапия громом поразившему, уклонился к народу сему и на берегах моря оплакивал смерть сына слезами, обратившимися в янтарь. Во время пребывания в стране сей наставлял он жителей в разных науках и в музыке; а потом чрез каждые 19 лет посещая их, пребывал с ними от весеннего равноденствия до восхождения Плеяд (6), а и всякую ночь услаждал их своею лирою; почему и имя гиперборейского греками присвоено ему было.

Благоговение к Аполлону в жителях страны сей так сильно вкоренено было, что они ежегодно посылали в дар начатки жатв и плодов своих на остров Делос (7), в котором си боги лиры рожден был соотечественною им Латоною. Для жертвоприношения сего избираемы были девы и к сопровождению их юноши испытанного целомудрия, добродетели и храбрости. Они предпринимали почти невероятно дальний путь посреди свирепых и разноплеменных народов, единым благоговением к светоносному богу музыки и стихотворства предводимые. Сильнейшим же доказательством уважения к нему гипербореан служит повествование Павзания о некоем соотечественном им Аполлоне (8), приходившем на помощь осажденному галлами Дельфийскому храму, славившемуся проречениями оною знаменитого божества.

Из сего рождения и прихода Аполлонова можно заключить с Геродотом, почитающим таковые странствования богов за введение их богослужения, что в Дельфы перенесено было оно от гипербореан, еще до преселения туда египетских и финикийских племен (9). Ибо мнение о пребывании Аполлона между гипербореанами и о преимуществе знаний их так сильно в Греции впечатлено было, что, по свидетельству Аристотеля, Элияном нам преданному, Кротонияты (10), мудростию Пифагора удивленные, приняли его за гиперборейского Аполлона. Сие не вынужденное самохвальных греков признание заставляет предполагать, что науки, стихотворство и музыка, коими Европа почитает себя им одолженною, принесены туда были от сего священного для них народа.

Но где же было отечество его, сие любезное Аполлону виталище? Славнейшие греческие писатели укажут нам к оному путь.

Страбон удостоверяет, что древнейшие повествователи разделяли скифов, выше Черного моря обитающих, на гипербореан (11), аримаспов и сармат. Первых одни полагали у Рифейских гор, близ северные оси земли, где воздух всегда наполнялся перьями (12), а солнце токмо шесть месяцев в году сияло, и думаю, что поелику ветер Борей исходил из хребтов Рифейских, то и проименовали народ сей гипербореанами (13), то есть заборейскими. Другие определяли жилище их к северу Европы над вершинами реки Дона (14), и против Кельтического некоего мыса, в тех местах, где Рифейские горы низятся и совсем исчезают.

Итак, для отыскания жилища гипербореан, во-первых, нужно нам узнать настоящее положение Рифейских гор, по древним землеописателям Европу от Азии разделяющих. Российский Пиндар покажет нам оные перстом, сопровождающим на струнах громогласные лиры бессмертную песнь (15).

Свою Полтавску вспомни рану,

Что знать еще в груди твоей;

И гордость при Днепре погранну,

И многий плен твоих людей,

За обские брега вселенный,

Хребтом Рифейским заключенный,

За коим сильна росска власть

Велику держит востока часть:

Где орды ей собирают дани,

По ней всегда готовы к брани...

По следам исполина сего с пути совратиться невозможно: мы достигли с ним Рифейских гор, отыскание коих столь много озабочивает европейский ученый свет. Уральские вершины (16) суть истинные Рифейские хребты. Они называются у нас великим поясом, что и самое слово Урал значит (17), по свидетельству одного из достойнейших наших историков.

Сие присвоение Уральским хребтам имени Рифейских гор оправдывает Плиний (18), когда, разгранича оными от Азии Европу и продолжая описывать пределы последней вдоль Северного моря и левой западной стороны сих гор, полагает он гиппоподов (19), так сказать, конноногих и всеухих панагиснов (20), а за сими — германский народ ингвеонов, живущих у подошвы горы Сево, простирающийся даже до Цимбрического мыса и до обширного Каданского, сиречь Балтийского залива. Таким образом, в описании пространства между кряжами Рифейских и Севских в Норвегии лежащих гор (21), не

показав никаких других, заставляет непременно признать Уральский кряж за именитые Рифейские хребты.

Отыскав теперь начальное недвижимое урочище отечества гипербореан и по руководству Плиния (22) распространи даже до вершины Дона, останавливаемся опять затруднением назначить крайний предел оною; но Аполлон сам рассеет мрак древности, покрывший границы любезного ему народа. Слезы его пролитые на берегах моря, обратившиеся в янтарь (23), свидетельствуют нам, что страна, в которую уклонился он по изгнании с небес оплакивать смерть сына своего, простиралась до восточных берегов Балтийского моря, сие драгоценное произведение природы извергающего.

Иным покажется неимоверно, чтобы толикое расстояние могло покрыто быть одним народом: но нынешнее пространство нашего отечества, во времена стеснивших селение народов, уничтожает неимоверность сию и настоящим событием увольняет меня от доказательства, на преданиях основанного.

Но сходно ли с здравым рассудком, возразят мне иные, полагать в холодной северной стране отечество гипербореан, в котором, как выше сказано, ежегодно две жатвы созревали? На сие отвечаю, что свойственная далеко странствующим склонность соплетать ложь, по-видимому, породила басню сию. Греки, слыша от путешественников своих, не проживавших в стороне гипербореан целого года, что в оной заседалась нивы в мае, а в августе оканчивалась жатва, заключали по обыкновенному своему легковерию, что там, где в три месяца засеивались и созревали жатвы, земля приносила в год по крайней мере два раза плоды свои. Нетрудно было придумать басню сию людям, которые преобратили падающий с неба снег в перья, а русские шапки ушатки в длинные уши панагиенов, обвивающих оными все тело свое.

Определяя таким образом настоящее местоположение Гипербореи, сей любезной Аполлону страны, остается доказать, что греки заимствовали от жителей ее науки свои, музыку и стихотворство.

Касательно первых, девятнадцатилетний срок, определяемый Аполлоновым стране сей посещением, составляя важный астрономический период, известный под названием золотого числа, или круга Метона, предполагает уже у гипербореан высокие звездочетные сведения, которые, по-видимому, сообщались от них Греции; ибо предок Платона, посланный в Делос для защищения острова сего от нападения полководцев Ксеркса, царя персидского, нашел там медные скрижали, принесенные из гиперборейской страны, на коих начертано было понятие о мздовоздающем и мстительном боге и о бессмертии души (24).

Сами греческие повествователи признаются, что знания переселились к ним от севера: первейшие из числа великих мужей, во мраке невежества Грецию просветивших, были северные уроженцы.

Сатурн, отец богов, царствовавший в течение золотого века, назидавший мудрыми законами свободу и блаженство смертных, обитал, по преданию Дионисия Географа (25), на берегах ледовитого моря, по имени его Сатурновым прозванного (26). Древнейшие звездочеты, по-видимому, удостоверенные в сей истине, сообразуясь кладу Сатурнова отечества, присвоили имя его хладнейшей планете и мягчайшему из всех металлу, почти как лед на огне растаевающему.

Атлас, племянник его, сын Япетов (27), изобретатель небесной сферы, царствовал на горе, прославившейся его именем, которую Гезиод полагает (28) в жилище ночи, в стране вечным мраком покрытой. Соответственно ему Гесперидские сады, в которых дочери или гілемянницы его сберегали золотые яблоки, похищенные Геркулесом, по свидетельству Аполлодора (29), не в Африке, но в Гиперборейской Атлантиде находились. Итак, гора Алтай, соседняя Рифейским вершинам, золотые рудники в себе заключающая, может

быть, есть оная гора Атлас, название свое через перемещение одной буквы (30) переменявшая, и южный крюк ее, поныне под названием Яблочного известный, может напомнить нам о яблоках Гесперидских.

Обитание Атласа на северных горах подтверждается тем, что Прометей, брат его, даровавший огонь смертным, в наказание за похищение оного с небес прикован Юпитером на горе Кавказе (31), соседственной Рифейскому хребту. Некоторые принимают его за Магога, сына Яфетова, праотца северных народов (32). Как бы то ни было, сквозь запутанную многими баснословными вымыслами Прометееву повесть видно, по крайней мере, что знакомое гипербореанам понятие о душе, сем огне небесном, оживляющем тело человеческое, принес он грекам от северной страны.

Девкалион, сын его, по свидетельству Лукиана (33), принес из Скифии в Финикию с повестью Адониса богослужение солнцу.

Наконец, древний Геркулес, если, противу мнения некоторых писателей (34), и не был полунощный уроженец, по крайней мере, странствовал на севере и был предок скифского племени: сожитие его с сиреною, породившею Агафирса, Гелона и Скифа и разбившие лигуров (36) в полунощной стране, покрытой мраком и снежными облаками, довольно сие подтверждают. Если же примем еще за истину обитание на севере Атласа и Гесперид, то исчезнет затруднение чрезвычайно дальних и невероятных от западной Африки на край севера путешествий его для свидания с Атласом, похищения гесперидских яблок, освобождения Прометея и других, около полунощных пределов Азии подвигов и странствований его. Не одни в письменах свидетельства древних руководствуют нас к заключению о жительстве Атласа близ Ледовитого моря, в небесах оставили они предание свое. Начертание звездной сферы, представляя Геркулеса в полночном отделении, явственно свидетельствует о подвигах его в странах, к северной оси земного шара прилежащих; где помогал он сыну Япета поддерживать свод небесный, на оной обращающийся.

Здесь почитаю пристойным изложить причины, заставившие древних перенести от севера на запад все достопамятнейшие в их преданиях упоминаемые урочища. Не подвержено никакому сомнению, что в древности имели все к Гомеру беспредельное уважение: он был первый историк, первый землеописатель; его свидетельство так уважаемо было, что часто один стих его решал тяжбу между городами и народами, спорящими о границах своих (37). По истечении многих веков ученые того времени люди, читая в Одиссеи, что Гомер заставляет пугешествовать Улисса в стране, всегдашним мраком покрытой и никогда солнцем не освещаемой, хотя видели, что черты сии какую-то полнощную страну означали; но поелику от севера с Грециею граничило Черное море, по причине варварских народов, на берегах оного обитающих, Негостеприимным названное (38), то заключили они, что Улиссу там проходить было невозможно; и что Гомер страну, вечною тьмою покрытую, определял на западе: ибо думали, что там должна царствовать вечная ночь, где солнце на закате своем перестает освещать вселенную (39). Сия неосновательная мысль час от часу более утверждалась, а, наконец, по примеру вкоренения всех суеверных преданий сделалась общепринятою, неоспоримою истиною. В последствии времени любопытные люди старались отыскать на западе места, описанные Гомером. Никакое затруднение не удерживало догадок там, где еще наука соображения не озаряла светильником своим страны, населенной неисчетным множеством наглых вымыслов и малым числом скромных истин. Пролив между Италией и Сицилией получил название Скиллы и Харибды (40); самая Сицилия почтена была странною циклопов (41) и Фринакиною (42). Остров Липари превратился в жилище Эола, бога ветров (43); Кампанийские поля в пустыню Киммериан (44); в Италии мыс Цирцелло — в низкий и пологистый остров волшебницы Цирцеи (45). Греки часто переменяемым поселениям своим старались давать известные по песням Гомеровым названия мест. Таким образом, вся землеописательная система изменилась; а с прочими урочищами и гора Атлас

перенеслась из севера, вечным мраком покрытого, на край западной Африки, и живущий в ней сын Япета, сего предка скифов, преобращенный в арапа, принужден был на весьма низких горах поддерживать небо под знойным поясом, в стране ежедневно солнцем посещаемой!

Итак, когда отвергнув сии ложные понятия, видим, что отец богов, образователь небесной сферы, изобретатель огня, установитель в Финикии богослужения солнцу — все сии знаменитые мужи суть северного скифского происхождения, то можно ли не положить в общем отечестве их источника всех познаний, пролившегося в полуденные страны? Особливо же когда, по свидетельству греков, и сам Аполлон, сей бог вещественного и умственного света, родился от северянки, обитал в полунощном крае и был наставником жителей оного, посвятивших себя служению его; а, наконец, когда знаем, что даже высокомерные индейцы признавали, что брамы их пришли от севера, что они изъясляют к оному и поныне почтение свое многотрудными богомольными туда путешествиями (46) и тем подтверждают ясно, что не токмо Греция, но и все южные пределы земли северным сиянием озарились.

Я доказал сие историческими, неприметно под перо мое скопившимися свидетельствами; равномерно доказывают сие иносказательные древние басни: известное о Фениксе (47), чрез триста лет из пепела своего возрождающемся, предание заимствовано южными народами от северного края. Ибо в Эдде (48), богословской книге готфов, о такой точно птице упоминается. Сия басня, неполно изображающая возобновление года, пополняется там повестью о Фреи (49), позволяющей супругу своему оставлять ее 65 дней с тем, чтобы последние 300 дней пребывал он ей верным. Удивительное сходство сего дней число — разделения с изображением Януса (50), державшего в одной руке трехсотное, а в другой шестьдесят пятое число, доказывает, что как басня о Фениксе, 300 лет живущем, так сие Януса изображение, и вообще счисление дней года заимствовано от северной страны, имеющей почти неудобопостижимое южным народам сведение о крайнем пределе земли, лежащем под 71 градусом, где солнце скрывается 65 дней в году.

Скажуг иные, что в соседстве страны сея за чрезмерною стужею не можно было обитать древнему в науках столь много сведущему народу. На сие, с Плинием минувшего века (51), возражаю, что причине первобытного знойного состояния земли, повсеместных вулканов и пожаров, оставивших на ней неизгладимые следы (52), первое сродное человеку обиталище долженствовало быть почти около самой северной оси; что долговременная ночь была тогда отраднa, и нынешние полувочные морозы весьма умеренно прохлаждали воздух. Неоспоримым сему доказательством служат отыскиваемые в Сибири слоновые кости (53) и находимые в окаменелостях виды растений, ныне в самой только горячей стране прозябающих.

По истечении множества веков прохлаждение северного края, склонением эклиптики (54) или уменьшением внутреннего огня земли причиненное, заставило полунощных жителей неприятно ощущать прежде отрадное отсутствие солнца, замечать времена отлучки его, оплакивать оное в баснословной временной смерти Адониса, столь сходственной с Озирисовою смертию (55), и оставить о сем свои замечания в баснях о Фениксе и Фреи; замечания с продолжения веков, родившие между ими звездочетную, древнейшую умозрительную науку. С большим прохлаждением земли усилившиеся на севере непогоды породили тамо все необходимые человечеству открытия, как то: изобретение огня, хранение оного в храмах Весты, богини света, хлебопашество и прочие знания, нуждами порожденные. А наконец, нестерпимые морозы и умножение народа (56) принудили северных жителей, убегая отечественного края, разность в южные, умеренно прохладившиеся пределы с знаниями своими предание о золотом Сатурновом веке и обожание солнца или огня.

Все сии природы и преданий свидетельства, обнаруживающие столь естественное от севера к югу народов и наук переселение (57), достаточны для доказательства, что в позднейшие времена Греция заимствовала знания свои от полуночных народов, между которыми одни только гипербореане, предки наши, столь преимущественными знаниями отличались. Собственное самолюбивой Греции признание подтверждает истину сию: Пифагора (58) за превосходство его мудрости сочла она, как выше сказано, Аполлоном Гиперборейским; и божеству сему единоплеменного Абариса, принесшего из Скифии в Лакедомон богослужение Прозерпины, порожденной богинею хлебопашества, приобщила к числу семи мудрецов своих.

Во оправдание сих, знаниями своими гордящейся Греции, столь уничижительных мнений, скажу, что прежде меня, учением знаменитые в Европе люди, как-то: Олаус Рюдбек, Бальи и многие другие, доказывали, что науки и просвещение воссияли от северных стран, где они полагали славный в древности остров Атлантический.

Таковое чужеземными беспристрастными писателями древней отечественной стране нашей присвоение колыбели оных знаменитых Атлантов, первых просветителей вселенныя, подкрепит, я чаю, мнение мое о происхождении знаний от полуночного природного нам края; оно, может быть, остановит презрительную улыбку, с которою иной греческой мудрости почитатель взирал на старание мое произвесть древнее наше родоначалие от славных оных гипербореан, ближайших потомков Атлантиды (59).

Сноски и примечания :

1. Диод. Сицил., IV.
2. Аполл. Родосск., Аргонав., IV.
3. Помпон. Мела III, 4; Плин., Естеств., Ист., IV, 12.
4. Диод. Сицил., II.
5. Аполл. Родосск., Аргонав., IV.
6. Диод. Сицил., II, 28.
7. Герод., IV, 6; Плин., IV, 12.
8. Павс., Phoc., V; Cicéron de la nais, des dieux. II, 23.
9. Bannier Expl. Des fables t. III, c. 230.
10. Variations historiques, II, 23.
11. Страб., XI.
12. Солин, XXXII. Плин., IV.
13. Apollonius, IV.
14. Помпон. Мела III, 5; Плин., Естеств., Ист., IV, 12; V, 13.
15. Ломоносова Ода II, строфа 14.
16. История Татищева, гл. 12, прим. 26.
17. Там же, гл. 11, параграф 10.
18. Плин., Естеств., Ист., IV, 13; VI, 13.

19. Может быть, на коньках или на лыжах едущих.
20. Всеуших, так что завертывались ушами, то есть длинноухие шапки носящих.
21. Cluvier antiquites Germ.
22. Плин., Естеств., Ист., IV, 12.
23. Аполл. Родосск., Аргонав., IV – другое предание приписывает произведение янтаря слезам Геллиад, сестер Фаетона, сына Аполлонова, громом Юпитера пораженного (Овидий, Метам., II). Это, по всем вероподобностям, та же самая басня, одетая другим иносказанием. Г-н аббат Банниер относит происшествие сие к берегам же Балтийского моря.
24. Платон, диалог «Аксиох».
25. Denis, vers. 35. Rudbek, t. 1.
26. Orphee vers 1077. Pluve IV, 16.
27. Аполлод., Мифол., I.
28. Гесиод, Теог., 274-517.
29. Аполлод., Мифол., II.
30. В оправдание мнения моего о перемещении в сем имени буквы «л» приведу пример дона Пезарона (см. Antiquit. De la langue des Celtes), производящего название Атласа от слова Altus переменением той же самой буквы l. Atlus, Altus, Алтай, имя сие, на племеноскифском, татарском языке означая «золотый», могло породить баснь о золотых яблоках, растущих на горах, Атласом обитаемых.
31. Плин., Естеств., Ист., XIII., Гесиод, I, 1.
32. Vochart, Phaleg., I, 2. Le Cler. Hesper.
33. Lucian de dea Syr. Loc. Cit; Rudbek de Atlant. T. 2; Bailly letters sur l'Atlantide, 15.
34. Rudbek, t. 1.
35. Герод., IV, 10.
36. Страб., IV.
37. Путешествие Анахарсиса, т. 1, с. 85.
38. Плин., Естеств., Ист., IV, 12.
39. Bannier Expl. Des fables t. V, с. 17.
40. Страбон удостоверяет, что Гомер выдумал их по поводу предания о Сианейских скалах, у Константинопольского пролива находящихся! Odyssee Trad., Т. II, р. 230. Bannier Expl. Des fables t. V, с. 17.
41. Odyssee Trad., Т. II, р. 50.
42. Все вообще ученые признают Тринакрию, то есть треугольную, за Сицилию, несмотря на то, что Гомер называет остров сей не Тринакриею, но Фринакином и островом Солнца. «Одисс», песнь X, Trad., Т. II р. 213. Никто не хотел исследовать разницы между Фринакином и Тринакриею. Сумнение, что Гомер под сим названием не Сицилию, но какое-нибудь другое место разумеет, оправдывается тем, что он Сицилию под собственным ее именем знал и упомянул оное два раза в Одиссее: «Одиссея», песнь XX; Trad., Т. III, р. 185; Песнь XXIV; Trad., Т. III, р. 334-528.
43. Odyssee Trad., Т. II, р. 102; letters sur l'Atlantide p. 251. — Греки, говорит г. Бальи, присваивающие их отечеству все предания, перенесли остров Эола в Липару.

44. Г. Бальи в письмах своих об Атлантиде говорит: “Итак, были киммериане в Азии: когда они отсюда вышли, то был народ сего имени близ Меотического залива; а когда сии варвары перешли в Италию, то равномерно сыскиваем киммериан близ Бейи и Пузолы”. См. *letters sur l’Atlantide*, p. 344. Я, напротив того, думаю, что киммериан в Италии никогда не бывало; что имя их перенесли туда те, которые хотели определить в Аверне врата адские, и для того мысленно переселили туда народ сей, чтоб не поразноречить с Гомером. См. *Bannier Expl. Des fables t. V*, p. 19.

45. Почтенный переводчик Гомера г. Битобе в примечании своем об острове Эйском говорит: “Цирцея, гора неподалеку от Формни. Гомер называет его островом для того, что окружающие болота и море делают ее полуостровом. Он придает оному название Эеи затем, что относит к нему все то, что известно было об Эеи Колхидской”. Г. Битобе, кажется мне, придает тут Гомеру собственное свое мнение. Он продолжает: “Страбон думает, что Гомер, зная все, что повествовалось о Колхиде, как то: плавание туда Язона и все басни о Медее и Цирцее и об их волхованиях, произвел их от одного рода, хотя одна обитала на краю Черного моря, а другая на берегах Италии. Цирцея есть баснословная богиня: стихотворцы имеют право присваивать одному лицу повествуемое о другом”. См. *Odysee Trad.*, Т. II, p. 108. Вот заключения о Гомере грамотных людей! Несправедливость оных по сему предмету подробнее доказана в бредях моих на досуге, которые скоро суждению ученого света представлены мною будут.

46. *Gentil, Memoires de l’Academie pour l’an 1713. Hist. Gener. Des Voyages*, t. 25.

47. Геродот, глава «Евтерпа».

48. *Rudbek, de Atlant. T. 2.*

49. Там же.

50. Макробий, *Сатурн.*, I, 9.

51. *Buffon volum des epoques de la nature.*

52. *Spielman chimie fournoy chimie*, т. 3; *Bergman, Manuel mineral*, параграф 22.

53. *Pallas hist. Des decouvertes*, т. 1, с. 63, 309-317; т. 2.

54. *Phisique du monde*, тт. 1-2, ч. 2.

55. *Bailly letters sur l’Atlantide*, 15.

56. *Journandis, hist. Des Goth.*

57. *Bailly, Astronom. Am. Liv. IV*, 10.

58. Диод. Сицил.; Павс., III.

59. *Bailly letters sur l’Atlantide*, 24.